

Ключ от послезавтра

Автор:

[Рута Шейл](#)

Ключ от послезавтра

Рута Шейл

Ключ от послезавтра

«Сам погибай, а товарища выручай», – так думала Янка, отправляясь вожатой в детский лагерь вместо заболевшей подруги. Старая усадьба, лес, игры – что может быть интересней? А если встретить в темных коридорах призрака, случайно прочесть чью-то просьбу о помощи в потрепанной книжке и отправиться в заброшенную часовню, чтобы разгадать зловещую тайну, то каникулы точно запомнятся надолго! Янка никогда не откажется от приключений!

«Ключ от послезавтра» – это таинственные письма из прошлого, детективное расследование – никаких взрослых! – новые друзья, с которыми точно не соскучишься, и первая любовь...

Рута Шейл

Ключ от послезавтра

Пролог

– Колёсик, выручай, – совсем не по-соловьиному прохрипела в трубку Соловьева. – Нет там ничего сложного, тем более ты у нас староста.

– Ну и что?

– Ну и то! Ты ответственная, справишься. Главное, с пионерами построже, иначе на шею сядут. Заодно отдохнешь, сменишь обстановку. Концерты, дискотеки. Песни у костра... Так понравится, что уезжать не захочешь.

– Какого костра? – усмехнулась Янка. – Как у братьев-месяцев? Кристина, ты на улицу давно выходила?

Придержав мобильный плечом, она вытащила из стопки сложенных на полке вещей самый объемный свитер. Кажется, в этом она будет выглядеть как логотип компании «Мишлен» – человечек из автомобильных покрышек...

А соловьевский голос в трубке не сдавался:

– О'кей, забудь про костер. Но все остальное в силе. Если ты откажешься, то вместо меня поедет Антипова из социологов. Она на моего Пашку еще со «студенческой весны» запала. Ян, от тебя зависит будущее двух влюбленных сердец!

И всхлипнула то ли от простуды, то ли от избытка чувств.

Могла бы не стараться – Янкина уверенность и так уже висела на волоске.

– У меня опыта работы нет. Это ведь дети, – сказала она совсем неубедительно. Соловьева мгновенно уловила слабинку и сменила тон с жалобного на деловитый:

– Дети не люди, что ли? Вожатой тебя пока не возьмут, поедешь как будто на стажировку. Зато после смены получишь бумагу, что прошла практику – не придется потом в детском саду стенгазеты рисовать.

– Ох, не знаю, – мялась Янка, а Кристина выдавала аргумент за аргументом:

– Ты, главное, соглашайся, остальное я улажу. Представляешь, что будет, если Пашка пересечется там с Антиповой? – Янка не представляла. Ее воображение целиком и полностью занимал выбор свитера. – Мои родители с Каверинными

друзят. Да я наизнанку вывернусь, но сделаю так, что возьмут не ее, а тебя!

Из всех действующих лиц, о которых трагично шептала сейчас Кристина Соловьева, Янка уверенно опознавала только ее саму. Парень по имени Пашка возник в жизни подруги – во всяком случае, хронология упоминаний началась именно тогда, – после летней смены в Анапе. Учился он, кажется, в архитектурно-строительном. Жил, кажется, с родителями. И, кажется, любил Кристину. Все эти непонятности происходили не потому, что Янка невнимательно слушала рассказы Кристины, а потому что информация постоянно менялась. Единственным, в чем Кристина себе не противоречила, были выдающиеся внешние данные избранника и его такая же выдающаяся страсть к ночным клубам.

Субъект по фамилии Антипова на Янкиной внутренней географической карте и вовсе отсутствовал.

– Кстати, там не корпуса, как обычно, а целый дворец, – продолжала сипло интриговать Соловьева. – После ремонта, но совершенно точно, что старинный!

– С бронзовой птицей на фронтоне? – хмыкнула Янка[1 - В повести Л. Рыбакова «Бронзовая птица» действие происходит в пионерском лагере, расположенном в бывшей графской усадьбе. – Здесь и далее примечания автора.].

Подруга, конечно, не поняла.

– Какой еще птицей? Хотя не знаю, может, и есть. В общем, если решишься – попадешь на церемонию открытия. Образцово-показательная смена, дети сотрудников, все дела. Каверин – директор лагеря – набрал команду вожатых из своего «Искателя». Я два года подряд туда ездила, а до этого лет пять пионеркой. Яночка, соглашайся! Смена легкая, дети послушные... а природа там – у-у-у! Не то что в этой твоей обожаемой Москве.

Природа, догадалась Янка, это подмосковные сосенки, сугробы по колени и какой-нибудь водоем, который сейчас мог использоваться разве что для подледной рыбалки. А Янка ею не увлекалась.

«Обожаемую Москву», тем временем, щедро заметало снегом. Гадким мокрым снегом, который быстро превращался в жидкую грязь на дорогах и тротуарах и в

рыхлые сугробики – там, куда нога человека ступала реже. В бесконечных пробках дымили выхлопными трубами машины, а в торговом центре, по которому бродила сейчас Янка, в таких же пробках толпились любители сезонных распродаж.

«А за городом сейчас, должно быть, красота! Тишина, лес, одиночество. Снежок под ногами хрустит», – шепнул внутренний голос, подозрительно смахивающий на Кристинин.

– Скажу честно, я сугубо городской житель и видел этот ваш чудесный лес со всем его содержимым на ближайшей фабрике по изготовлению табуреток[2 - Андрей Белянин, «Ааргх»]., – процитировала Янка, как ей показалось, довольно метко, но подруга юмора не оценила.

– Колесникова, если ты откажешься, то я... Раздружусь с тобой навсегда, вот.

– Мертвого уболтаешь, – отозвалась она сварливо и снова извлекла с полки одеяние мишленовского человечка. – Но должок с тебя, Кристиночка, такой, что даже не знаю, чем расплачиваться будешь.

– Бессмертная душа подойдет? – хихикнула повеселевшая Соколова.

Янка не ответила. Сунув телефон в карман куртки, она поплелась в хвост очереди к кассе.

Пора бы уже научиться говорить нет. Или хотя бы нетленное «я подумаю об этом завтра».

Глава 1

Графская усадьба

В замшевых сапогах пальцы ног быстро окоченели, щеки и кончики ушей пощипывало от холода. Отступившие было морозы вспомнили о том, что зимой им положено быть, именно в тот день, когда Янка собралась в лес. Нужно было с

чистой совестью – мол, проспала-забыла-опоздала, – остаться дома и нырнуть обратно под дремотное одеяло. Но вместо этого она досматривала самые сладкие утренние сны в пустом вагоне метро, к тому же приехала на час раньше, а значит, топтаться вам, Янина Станиславовна, в осенних сапогах и куцей кожаной куртке – жидкий мех на капюшоне мама презрительно называла «рыбьим» – до первого автобуса.

Янка сунула руки глубже в карманы, сжала пальцы в кулаки, но теплее не стало. К обочине по очереди причаливали автомобили. Те, кто приехал на метро, включая ее саму, с завистью косились на счастливых, которые могли с комфортом ждать в теплых салонах своих машин. Родители понемногу собирались в группы, дети не выдерживали неподвижности и стайками носились вокруг взрослых. Все здесь уже были знакомы, и только Янка держалась особняком, не зная, к какой из компаний примкнуть.

– Привет, снегурочка!

Это было лестно, но неправильно. Со сказочной красавицей Янку роднили разве что светлые волосы, из которых при желании можно было соорудить сносную косу. А в остальном – низкий рост, детский размер одежды. Острые скулы и вздернутый нос. Колесо велосипедное, одна штука. Еще и фамилия, как назло, говорящая.

Крутить головой было слишком холодно, поэтому к черной «Церато» с включенными фарами Янка повернулась всем телом.

– Это вы мне? – выдохнула она вместе с густым облаком пара. Нижняя часть лица словно отсутствовала. Да и с верхней не все было ладно.

– Тебе. Подойди сюда. Да не бойся ты. В лагерь?

– Угу.

– Хоть раз зимой за городом была? – Она замаялась. Водитель – едва ли намного старше нее, это Янка поняла скорее по голосу, чем смогла разглядеть, мягко усмехнулся: – Заметно. Садись в машину. Не бойся, не съем, – повторил он как маленькой, – я тоже вожатым еду. Денис Каверин.

Каверин! И директор лагеря тоже Каверин. Еще во время телефонного разговора с подружкой Янка не могла не заметить созвучия с фамилией любимого писателя. Потому и запомнила.

– Бороться и искать?

С этими словами она забралась на заднее сиденье и втащила за собой сумку. Зубы помимо воли выбивали чечетку. Настолько качественно она еще никогда не замерзала.

– Найти и не сдаваться[3 - Слова из романа Вениамина Каверина «Два капитана»: «Бороться и искать, найти и не сдаваться».], – весело откликнулся тот. – Кофе будешь?

Спасительный стаканчик оказался в руках раньше, чем Янка успела ответить. Она никогда бы не подумала, что можно так радоваться обыденным вещам – подвижности лица, наличию пальцев, горькому растворимому кофе. Даже играющий в салоне попсовый мотивчик показался чуть ли не гимном позитивного мышления.

– Яна, – каркнула она и откашлялась. Дальше получилось лучше: – Спасибо вам.

– Тебе.

– Тебе. Я не вожатая, меня на стажировку взяли. Никогда еще не была в лагере. Даже в детстве.

– Тогда с почином. А почему вдруг сейчас решила?

– Подруга заболела и попросила ее подменить. Может, знаешь? Кристина Соловьева.

– Да ладно! Звезды не будет? – неизвестно чему обрадовался Денис. – Конечно, знаю, в «Искателе» два лета вместе оттарабанили. Отец не говорил, что она болеет. Жаль. – И не очень чисто подтянул: – Звездочка моя ясна-ая... Как ты от меня далеко!

Янка не сдержала смешок. Прозвище Кристине подходило. Не в бровь, а в глаз.

- Ты кофе выпила? Возвращай стакан.

Пришлось срочно сделать один большой глоток. Янка протянула крышку от термоса Денису и рукавом протерла себе окошко в запотевшем стекле. Снаружи стояли автобусы. Двери еще закрыты, но все наготове. Несколько ребят Янкиного возраста особняком скучковались возле первого. Только она собралась расспросить Дениса о местных правилах, как на переднее сиденье ввалился еще один персонаж: ярко-красная куртка, смуглая шея без шарфа и коротко стриженный затылок – вот и все, что она успела разглядеть.

- Кофе! Плесни мне тоже. Вообще не выспался... – пожаловался парень в красной куртке и заразительно зевнул. Спинка его сиденья с двумя щелчками опустилась почти до самых Янкиных колен. Отодвинуться в сторону мешала торчащая из багажника штуковина, завернутая в брезент. Пришлось терпеть и помалкивать. – Заскочим ко мне за вещами?

- Заскочим, но опять опоздаем. Настенька отчитает.

Между тем обстановка вокруг автобусов менялась. Дети уже расселись по местам, сопровождающие тоже. Родители махали руками и жестами давали последние указания. К группке вожатых подошла женщина с планшетом и принялась что-то им объяснять. Наверняка важное. «Самое время эвакуироваться», – решила Янка и нащупала сумку.

- Денис. Я, наверное, пойду.

- Черт, Дэн, кто там у тебя? – подпрыгнул его приятель. – Предупреждать надо!

- Это Яна, она новенькая. Яна – Дамир. Кстати, слышал новость? Звезды не будет!

- Значит, она сегодня не звезда, – туманно ответил тот и принялся тыкать в кнопки магнитолы.

Янка бочком выбралась из-под нависшей спинки сиденья, пискнула «пока» и припустила к месту сбора. Еле успела – несколько вожатых уже отправились греться в автобус.

– Колесникова. Наш стажер, – неожиданно метко угадала женщина с планшетом. Сняла перчатку и принялась водить пальцем по экрану. – Ну, Кристинка, подвела так подвела... Что, серьезно разболелась? – И, не дав ответить на первый вопрос, срезала вторым: – Ты с Кавериним едешь или с нами?

– С вами, – заверила Янка.

– Тогда скажи остальным, чтобы по лагерю не разбрелись, а стояли и ждали меня. Будет планерка.

«Планерка, планерка, планерка», – твердила Янка, на разъезжающихся ногах топая к автобусу. И все равно, стоило ей оказаться внутри, ценные указания мгновенно вылетели из головы.

– ...Усадьба долгое время простояла заброшенной. В семидесятые ее косметически подлатали и переделали под дом отдыха. В девяностые снова закрыли – с тех пор тут только бомжи и сталкеры ошивались. И черные кладоискатели. Один из них выложил в интернете фотку, на которой за его спиной отчетливо видно полупрозрачного мужика. Seriously – сначала кажется, что просто пятно, но если приглядеться, то похоже на бородатого дядьку в крестьянской рубахе. Круто, да?

Слова принадлежали девушке... Или парню? Сразу понять не удалось – чистое лицо без макияжа, куртка, джинсы и тяжелые ботинки ничем не выдавали пол своего владельца. Еще и капюшон от толстовки на голове.

– Круче не придумаешь! – сходу согласилась Янка.

Автобус пшикнул дверями и плавно тронулся в путь. Янка устроилась на свободном месте рядом с очень сердитой рыжеволосой вожатой.

– Нет никаких привидений, – буркнула соседка и уставилась в телефон. Остальные занимались примерно тем же. – Такая взрослая Кира, а верит в

сказки.

«Такая». Значит, все-таки девушка.

– Привидений, может, и нет, но местечко так себе, – вмешался молодой человек в забавной шапке с помпоном. – Нехорошее. Я погуллил до поездки. Что, никто не в курсе?

– Началось в колхозе утро, – затосковала рыжая. – Знаешь, что пионеры про Заварзина сочинили? «Лучше чистить унитазы, чем беседовать с Заварзой». Главное, не вступай в дебаты. Только зря время потратишь. Кстати, Катя.

– Яна. – Она пожала протянутую ладонь, а сама с интересом прислушалась к разговору.

– Усадьбу Светлый Яр построил граф Альфред Дорф из немецкого дворянского рода. Его предки в восемнадцатом веке поступили на службу Российской империи, один из них был послом в Москве, тогда его и возвели в графское достоинство. Красавицу-супругу этот Дорф нашел здесь же, в России, и звали ее почти как кровавую графиню Батори – Елизавета. Елизавета Паулинская, но местные прозвали ее Паучихой. Своих крепостных она секла за каждую мелочь, а женщин и детей – с особенной ненавистью. Порола лично и с удовольствием, даже придумала собственную систему наказаний: подробно расписала, за какой косяк сколько ударов кнутом должен получить виновный.

– Кстати, обычное для того времени дело, взять хотя бы Салтычиху[4 - Дарья Николаевна Салтыкова по прозвищу Салтычиха – русская помещица, вошедшая в историю как убийца нескольких десятков крепостных крестьян.], – встряла Кира.

– В общем, да. Дорф много времени проводил в разъездах, в усадьбе постоянно что-то изобретал и мало вникал в дела, которые взяла на себя его супруга. А она наводила на людей такой ужас, что стоило ей появиться в какой-нибудь из деревень, женщины и дети в панике прятались в поле и в оврагах. Поначалу крепостные пытались жаловаться барину, но Паучиха ухитрилась сделать так, что Дорф оставался в неведении, а жалобщиков наказывала особо изощренно. Иногда Елизавета устраивала в усадьбе приемы со спиритическими сеансами, и это тоже не добавляло ей народной любви. Поговаривали, что в спальне у нее стояло огромное зеркало, через которое Паучиха вызывала души умерших и

сама могла ходить в загробный мир. Граф-изобретатель продолжал жить с собственном мире, не замечая ничего вокруг, пока однажды один из крепостных мужиков не подстерег его у ворот и не бросился в ноги с мольбой прекратить издевательства. От того, что рассказал крестьянин, у графа волосы встали дыбом. Тем же вечером он устроил Елизавете допрос, после которого садистка успокоилась и вообще пропала из виду. На все вопросы граф отвечал, что супруга слегла. Что случилось с ней на самом деле, неизвестно. Кто-то из слуг признался, что видел хозяина спускающимся в домашнюю часовню с неким предметом в руках. Предмет был завернут в покрывало, явно тяжел и по очертаниям похож на человеческое тело. Пробыв там некоторое время, Дорф вышел уже налегке. Как думаете, почему?

- Он убил ее и похоронил под домом, - сглотнула Янка.

- И вот теперь мертвая ведьма бродит в поисках своей спальни, чтобы через зеркало покинуть проклятую усадьбу и отойти в мир иной. Ищет, но не может найти - ведь ни спальни, ни зеркала давно уже нет... - с жутким присвистом нагнетал Заварзин. Автобус выехал на трассу, за окном мелькали сумрачные деревенские дома и придорожные забегаловки. Янка вдруг почувствовала спиной легкий потусторонний холодок.

- Может, ваша вожатская и окажется в той самой комнате, а, Катюх? - неожиданно добавил Заварзин совсем другим, дурашливым тоном.

- Может, тебе просто перестать молоть чушь? - душевно улыбнулась Янкина соседка и демонстративно заткнула уши наушниками.

Янка ждала продолжения, но рассказчик и сам надвинул на глаза шапку с явным намерением вздремнуть. Ну, Кристинка! Настоящий дворе-ец! Приро-ода! Впрочем, вряд ли подруга знала байку про Паучиху. Интересно, кто из этих ребят - тот самый ее загадочный Паша? Исподтишка просканировав взглядом присутствующих, Янка поняла, что никаких зацепок у нее нет, распечатала шоколадный батончик и уставилась в окно. Ощущение, что она стала героиней истории о Бронзовой птице, становилось все навязчивей.

* * *

– Странный дом! – провозгласила Катя. – Люблю странные дома. Мне здесь уже нравится.

– Кентервильский замок, – сказала начитанная Янка. – Или нет. Нортенгерское аббатство.

С сумками на плечах они стояли напротив ворот. Мимо тянулись стайки гомонящей ребятни, подгоняемые нервными взрослыми. Солнечный свет бил в сияющие чистотой окна усадьбы, но в них все равно мерещился недобрый прищур. Интересно, здесь действительно столько печей? Янка насчитала на крыше штук десять дымоходных труб разного размера. Сбоку к дому примыкала круглая башенка-донжон – похоже, архитектор был равнодушен к средневековым замкам. Сам дом – угловатый, темно-красного кирпича – оказался гораздо меньше, чем представлялось Янке. Скромная усадьба в два этажа с витыми балконами, острыми треугольниками фронтонов, заснеженным палисадником и небольшим парком вокруг.

Но из головы не выходила история о творившихся здесь когда-то ужасах, и это придавало безобидному с виду месту жутковатый флер.

За спиной просигналили. Янка обернулась и едва успела отпрыгнуть. Перед глазами промелькнули четыре сцепленных кольца на хромированной решетке радиатора. Внедорожник медленно прокатил мимо, притормозил возле поста охраны и двинулся дальше.

– Ладно, пошли. Надеюсь, внутри не хуже, – скомандовала Катя и первой направилась к распахнутым дверям.

Но как следует поглазеть по сторонам не удалось – Янка даже растерялась от такого количества народу в одной комнате. Лагерь гудел, как разбуженный улей. Воспитатели торопливо строили детей парами и разводили по комнатам, чтобы освободить место следующим. «Маленькая и легкая смена», по словам Кристины Соловьевой. Что-то пока незаметно!

– Анастасия Юрьевна, нам-то куда?

Руководительница с планшетом как раз пробежала мимо, и Катя со своим вопросом подсуетилась вовремя.

– За мной, – скомандовала та. Вожатые послушно двинулись следом к неприметной двери под лестницей.

Из-за высоких потолков мебель казалась лилипутской, а комнаты – пустыми. В этой уютилось несколько ученических стульев и старая парта. Возле окна стоял пустой бильярдный стол.

– Ребята, надолго не задержу... – начала было Анастасия Юрьевна и сделала паузу в ожидании тишины. Пока все передвигали стулья и рассаживались, рядом с ней появился растерянный мужчина в мятом костюме. Оглядел собравшихся и как будто остался недоволен увиденным.

– Если кто не знает – Петр Геннадьевич Каверин, директор нашего лагеря, – представила она же. Не знала одна Янка. – Давайте сначала распределимся по отрядам...

Катя вскинула руку:

– Чур, я с младшими, как обычно.

– Без проблем, записываю: «Якушева – первый». Кать, может, нашу новенькую к себе возьмешь? Справитесь? Вы вроде бы и познакомиться уже успели.

– Как скажете.

– Отлично, значит, «Якушева и Колесникова – первый».

А Янка-то и не сообразила, что новенькая – это она и есть. Остальным в напарники достались ребята. Обозначился и предмет обожания Соловьевой. Янка несколько разочарованно отметила оттопыренные уши и subtilный внешний вид рокового Паши. При разговоре он едва заметно картавил. Впрочем, ладно, раз Соловьеву все это устраивает, то Янку – тем более. Не ей же с ним по кинотеатрам рассекать.

К тому времени как речь зашла о распорядке дня, в комнате нарисовались еще двое. Судя по ярко-красной куртке одного из них – знакомые.

– Смена другая, опоздавшие те же, – нестрого пожурила Анастасия Юрьевна. Когда оба проходили мимо, она легким движением пригладила торчащие волосы Каверина-младшего.

– Простите, заблудились. – Денис тут же взъерошил макушку обратно. Вдвоем с приятелем они устроились на подоконнике чуть поодаль от остальных. Янка старалась не пропустить ничего из сказанного, но все равно нет-нет да и поглядывала в ту сторону.

Значит, тот, что ниже ростом, – Дамир. Февраль на дворе, а у него – ровный морской загар, и волосы выгорели светлыми прядями. Хотя чему тут удивляться – сейчас многие норовили слинять от столичных морозов в жаркие страны.

На фоне товарища Денис выглядел «бледнолицым братом». Старшим. Сероглазый, улыбчивый, симпатичный. В тяжелых армейских ботинках, джинсах и сером свитере. С рюкзаком и гитарой наперевес. Сразу видно – человек приехал работать. Не то что его мажористый друг.

– Может, просто «Дружба» или «Друзья»?

– Чего? – очнулась Янка. Оказывается, планерка подошла к концу и все почти разошлись. Катя ждала у выхода. Пришлось догонять.

– Название отряда, говорю. Есть идеи?

– Хм-м...

Они поднялись на второй этаж. Катя уверенно свернула направо – в длинный коридор со множеством дверей.

– Нам точно сюда?

– Настенька же сказала – двадцать пятая комната. Держи свой ключ. Ого! Ничего себе, жить можно! – с порога одобрила Катя. Янка заглянула через ее плечо. И правда можно. Новенькие кровати с яркими покрывалами, две тумбочки, возле окна – большой письменный стол. Даже зеркало – правда, не в полный рост, как у Паучихи, которой стращал Заварзин, а маленькое.

Шкаф поделили пополам.

– С вещами разберемся после отбоя, – вещала Катя. Янка согласно кивала, поджидая, пока та наспех переоденется. – Сейчас пойдём в отряд, познакомимся, пообедаем – и репетировать.

– Репетировать?

– Ян, ты на планерке вроде рядом сидела. Вечером – вожатский концерт. Значит, во время тихого часа – репетиция.

– Может, назовем отряд «Непоседы»? – технично перевела тему Янка. Похоже, «вожатский концерт» совпал с «человек приехал работать, сразу видно».

– У нас в «Искателе» мелкие были «Носки».

– Супер. И девиз: «Нас не сломать!»

Продолжая перешучиваться, они вышли в коридор. Чтобы попасть в отряд, нужно было вернуться к центральной лестнице и просто идти на звук. Крик, визг и грохот. Не ошибешься.

– Кать, слушай. А Денис с Дамиром в каком отряде?

– Дэн обычно выбирает старших. Почти ровесники, ему с ними проще общий язык найти. А Дамик вообще не вожатый. Он ди-джей. О, вот и наши!

«Свои» встретили вожатых радостными воплями, но Катю было не так-то просто сбить с толку. Янка глазом не успела моргнуть, как дети уже бегали вокруг стульев, хлопали в ладоши и выкрикивали названия фруктов. При чем тут фрукты, она так и не поняла, однако хаос явно приобрел некую упорядоченность.

Спустя полчаса Янка мешком рухнула на стул и застонала. В голове шумело, как в пустой морской ракушке.

– Ян, ну ты чего расселась-то? Строй их парами на обед, а я вещи соберу. Блин, опять половина неподписана...

После сумасшедших игр дети переодевались. Стало быть, в двух спальнях – мальчиков и девочек – по взрыву межконтинентальных баллистических ракет.

– Идите уже, уберу я все, – махнула рукой воспитательница Анна Ивановна. Она напоминала Янке ее первую учительницу и, кажется, приходилась бабушкой кому-то из пионеров. Такая роскошь была только в их отряде.

– Спасибо, – просияла Катя. – Посмотрим, чем тут кормят.

– Судя по запаху, тушеной капустой, рыбой и жареным луком. Или смесью всего этого.

На лестнице образовалась небольшая пробка. Внизу Янка заметила Дениса. Вокруг него собралось несколько девчонок из отряда. Взрывы хохота были слышны даже здесь.

– Похоже, разбитых сердец не избежать... – Она сама не заметила, как произнесла это вслух. Катя оглянулась:

– А? Ты мне?

Поток голодающих очень кстати двинулся вниз, к Анастасии Юрьевне, которая разруливала его подобно регулировщику на перекрестке. Когда Янка и Катя оказались поблизости, она сообщила скороговоркой:

– Ребята, во время тихого часа встречаемся во втором корпусе, будем репетировать вожатский номер. Сценарий уже готов, присутствовать обязательно. У вас все в порядке? Ну и отлично.

Насчет капусты Янка угадала. В тарелке бульона сиротливо плавали несколько картофельных ломтиков, оранжевые кружки моркови и она самая, разваренная до прозрачности.

– Щи. – Катя с кислым лицом повозила ложкой в тарелке. – Что может быть вкуснее?

– Молочная лапша? – задумалась Янка. – Запеканка из макарон? М-м... Гороховый суп!

На слове «суп» в столовой появился ди-джей Дамир. Руки-в-брюки, волосы блестят от геля, нос в гармошку – видимо, запах щей его тоже не радовал. Когда он проходил мимо, Янка учуяла горьковатый аромат парфюма. Что-то вроде перца с имбирем. Как на свидание собрался. Она с ухмылкой посмотрела на Катю, но та иронии не разделила. И вообще, провожая его взглядом, выглядела как-то напряженно. Дамир приземлился за стол рядом с Денисом и светловолосой девушкой, которая показалась Янке очень красивой.

– Кто это с ними?

– Инга Лунева, вторая вожатая. Слушай, а что это ты без конца Кавериним интересуешься? Или наоборот... Поливановым? – прищурилась Катя.

– Просто пытаюсь понять, кто есть кто. Не забывай, я здесь никого не знаю. Пойду проверю, как дела у детей. А ты ешь. Щи вкуснее.

Янка хмурила брови, с ужасно строгим видом прохаживалась вдоль столов, держала под наблюдением все десять тарелок одновременно и время от времени покрикивала:

– Аня, еще пять ложек! Василий, оставь в покое Мишу и доедай. Так, Мира. Ой, ты не Мира... Дарья – молодец! Арсений... Противно? Ладно, не ешь. Тогда вот тебе штрафная котлета.

В общем, вошла во вкус. Сначала казалось, никто и не подумает слушаться, однако малышня прониклась. Янка – тоже. К тому моменту, когда пора было возвращаться в группу, она даже почти не путала имена.

– Мы на репетицию! – шепотом сообщила Катя воспитательнице. Все десять сорванцов более-менее покладисто лежали в кроватях. У девчонок тихо. Их всего четверо – не спят, шепчутся, но хотя бы не скачут с матраса на матрас.

Анна Ивановна с вязаньем дежурит в спальне мальчиков. Сейчас притихли, спящими притворяются, но стоит только отвернуться – выдают себя приглушенным хихиканьем.

– Девчонки, принесли бы книжку из библиотеки. Сказки какие-нибудь. Я бы им почитала, глядишь, побыстрее уснут.

– Ага, принесем!

– Уснут они побыстрее, как же. – Катя закуталась в пуховик и сунула ноги в зимние сапоги. Надела было шапку, но передумала и убрала обратно в шкаф. – Разве что ужастики. Чтобы чихнуть боялись.

– Ты знаешь, где второй корпус?

– Приблизительно. Ладно, мы же не одни туда идем. Сейчас остальные подтянутся.

И точно – в комнату заглянула старшая вожатая Кира. Та самая, которую Янка приняла за парня. Она больше не прятала волосы под капюшоном, однако это ничего не меняло – ультракороткая стрижка ей шла, но придавала сходство с симпатичным мальчиком.

– Ну, что, артистки, готовы? Тогда за мной!

Компанию им составили еще две девчонки, которых Янка уже видела в автобусе. Одна держала под руку лопоухого Пашу. Интересно, что они все в нем находят? Катя обрадовалась знакомым – убежала вперед и громко делилась впечатлениями. А Янка мысленно решила, что ничего не расскажет Кристине про Пашу и эту девочку. Свою задачу она выполнила, Антипову нейтрализовала. Дальше пусть сами разбираются.

И еще она думала о том, что страшно, чертовски, невероятно устала. А впереди еще половина дня.

Глава 2

«Жуткая дорожка»

– Супер! Тебя кто-нибудь видел?

Дамир Поливанов помотал головой и втащил в комнатку за сценой нечто, тщательно завернутое в плед. Точно такие же – клетчатые и яркие – служили покрывалами во всех вожатских спальнях.

– Чуть не спалился! В тихий час забрал эту фигню из машины, плащ-палатку оставил в багажнике, как договорились, и иду к корпусу. Видок сам понимаешь какой. И тут мне навстречу человек десять. С микрофонами и камерами. Походу твой батя телевизионщиков позвал.

– Ага, он говорил, что будут снимать открытие смены.

– Ну так вот. Я ее за пост охраны задвинул и вроде как мимо прохожу. Потом вообще про нее забыл. На, владей.

– Красава! – Денис радостно потер руки и принялся разматывать ткань.

– Красава – это у нас ты, Дэн! Кирюш, разукрась его по полной, не стесняйся. А то пока на Ягу не очень похож.

– А так? – Кира нахлобучила на Каверина спутанный синтетический парик и с сомнением осмотрела дело рук своих. Вместо ответа ди-джей показал поднятый вверх большой палец и скрылся за дверью. Сам Денис в цветастой юбке и белых босоножках суетился вокруг свертка. Когда появился Дамир, Кира как раз закончила румянить каверинские щеки и перешла к макияжу глаз. Парень дергался, пытался размазать тушь и капризным голосом требовал не порвать ему колготки.

– Что там у вас? – заинтересовалась Катя. Янка тоже подошла поближе и испуганно ойкнула, когда покрывало было снято. Остальных увиденное нисколько не смутило. Скорее даже обрадовало.

- О-о, призрак «жуткой дорожки»!

- Это что... Гроб?

- Реквизит. - Денис постучал костяшками пальцев по крышке, которая выглядела пугающе настоящей. - Фанера! В «Искатель» девчонка приезжала - будущий художник по декорациям. Вот и сбавила нам. Издалека вообще не отличишь.

Янка не распознала бы подвох и вблизи. Алая шелковая ткань, по бокам - рюши. Бюджетненько, но броско. Некоторым такое нравится.

Вот же ерунда в голову лезет...

- Дэн, твой выход!

Каверин размашистой мужской походкой направился к сцене. Парик развевался, подол юбки трепетал. Было слышно, как зал грохнул от смеха.

- Садись, накрашу тебя, все равно делать пока нечего, - предложила Кира. Янка устроилась в том же кресле, где до этого перевоплощался Денис. Лицо защекотала огромная кисть.

- Зачем им крышка гроба?

- Для «жуткой дорожки»! Летом Дэн со своими пионерами устраивал. В общем, по вечерам мы собирались у костра. Ну, комары, печеная картошка, песни под гитару... Детям нравилось. Обрато в лагерь, само собой, через лес. Так вот эти черти - иначе не знаю, как назвать - без предупреждения... Закрой левый глаз... Ага, открывай. Размалевались, нарядились в тряпье, набрали полный таз воды и давай из кустов брызгаться. Типа, водяной разбушевался. Только отбились - зомби повыползали. Дэн землей обсыпался и с этой крышкой выскакивал, покойничка изображал. Ой, весело было, так ржали потом! Правый глаз закрой. Ага.

- Интересно. Только сейчас зима, и в лес никто не ходит.

– Я тебя умоляю! Придумают что-нибудь другое. Все, можно смотреть.

Янка повернулась к зеркалу и... тут же отвернулась. Посмотрела снова – с восторженным недоверием. Она выглядела как Инга Лунева. Нет, не так. Она выглядела как сильно улучшенная версия себя. Эти глазищи – Янки Колесниковой? Этот маленький нос, брови взлет – Янкины? И губы... Удивительно, но они тоже у нее появились.

– Сфоткай меня скорее. – Янка сунула Кире свой мобильный. – Иначе после полуночи я превращусь в тыкву и забуду, что однажды была такой. Лет в сорок стану дурачить этой фотографией виртуальных ухажеров с сайта знакомств.

– Тебе это не понадобится, глупая, – хихикнула Кира, но просьбу выполнила.

В примерку ввалилась Баба Яга, несколько разбойников и девчонки-русалки. Сразу стало шумно и тесно.

– Ян, сейчас сценка про рабочих, потом ты. – Каверин упал на стул и принялся обмахиваться патлатым париком. – Чтобы я еще хоть раз на себя вот это все напялил... Слушайте, план таков.

По задумке Дениса, «восстание мертвецов» планировалось после дискотеки. Не мудрствуя лукаво – прямо в усадьбе.

– Первый отряд пропускаем, они слишком мелкие. Кать, вы своих пораньше уведите, ладно? Представьте – свет гаснет. Все в непонятках на ощупь ползут по лестнице. И начинается жара...

Дальше Янка не дослушала – убежала на сцену. Надо будет хоть одним глазком взглянуть, что они там напридумывали.

* * *

Запрокинув голову, Катя глазела на звезды. Они, конечно, впечатляли, но не настолько, чтобы так долго и пристально на них пялиться. Янка тихонько встала рядом и тоже уставилась в небо.

– Красиво, правда?

– Правда, – кивнула Янка и покосилась на рыжеволосую вожатую. Веснушчатый нос шмыгал подозрительно часто.

– Зря ты ушла. Кто за отрядом следить будет? – похоронным тоном спросила Катя.

За спиной гремела музыка. Дети отплясывали на дискотеке, и Янкина «слезка» относилась скорее к собственному мобильному.

– Думаю, они в безопасности. Единственный выход – здесь. И мы с тобой тоже здесь.

– Также верно, – согласилась та и вдруг призналась: – Я вообще не хотела приезжать в эту смену. Петр Геннадьевич уговорил.

– Не хотела? Почему?

– Неужели не понятно? – Катя досадливо поморщилась. – Мне очень нравится один человек. Больше, чем нравится. Только он меня в упор не замечает. Очень давно, – с тяжелым вздохом добавила она.

– А что ты делала для того, чтобы заметил?

– Ой, нет. Что-то делать – это не про меня. Не понимаю я этого делания. Только душой себя выставлю. Не нравлюсь, значит, не судьба. Если за два года не срослось – хоть наизнанку вывернись.

– Странная у тебя, Кать, логика, – удивилась Янка. – Без боя сдаешься.

– Тебе легко советовать... Ладно, все. Возвращаемся, а то угодим под раздачу ужастиков.

В полумраке зала Янка взглядом пересчитала «своих». Все на месте. Когда заиграла медленная музыка, половина танцующих отправилась на стулья – отдыхать, а первый отряд засобирался обратно в усадьбу.

– Ян, завяжи! – Шарф снова не совпал по цвету с шапкой. Да и ладно, лишь бы количество сошлось. – Ян, ту-уго!

Звякнуть, что ли, вечером Соловьевой? Низкий поклон передать. Удружила, подруга, ничего не скажешь.

– Можно тебя пригласить?

Янка чуть не подпрыгнула от неожиданности. Почти ушла – и на? тебе, сразу кому-то понадобилась. Впрочем, кому именно, догадалась даже раньше, чем увидела – по имбирно-перечному парфюмерному духу. Дамир Поливанов! Не грело, не горело, да вдруг осветило. Собралась было кивнуть – отчего не пойти? – но заметила лицо второй вожатой и резко передумала. Катя застыла с детской курткой в руках и глядела на них обоих – Янку и Дамира – с явным намерением проклясть в случае неправильного ответа.

– Нет, прости. – Свои слова она сопровождала гримасой отчаянного сожаления. – Мы уже уходим. Надо проскочить до «жуткой дорожки»...

– Да успеете вы. До нее еще полчаса.

Видно, совсем не ожидал отказа. Растерялся.

– В другой раз, – сморозила Янка и ретировалась за дверь. Дамир Поливанов уговаривал ее потанцевать! Театр абсурда на гастролях.

Катю она догнала возле заснеженной чаши фонтана. Дети притихли – видимо, тоже устали, – а Якушева чеканила шаг, как солдат на плацу. Только снег похрустывал.

– Вот об этом я и говорила, – процедила она, узрев рядом своего стажера. – За два года ни разу ко мне ни подошел, а тебя в первый же вечер на медляк приглашает. Где справедливость?

Вопрос повис в воздухе.

– Кать, ты ведь не сказала, что это Дамир. Все «человек» да «человек». Могла бы предупредить.

– Я что ему – Цербер, чтобы всех от него отгонять? В эту смену он выбрал тебя, в следующую еще кого-нибудь...

– Мало ли, кого он выбрал, – фыркнула Янка. – Я, между прочим, тоже... выбрала.

– Да? – Катя мгновенно сменила гнев на милость. – Если не секрет, кто этот счастливчик?

– Я понимаю, что между нами ничего не может быть, но... – Янка мысленно испросила прощения у отсутствующей Кристины Соловьевой. В конце концов, за той числился изрядный должок. – Короче, Павел.

– Да ладно? Ну ты и попала! – обрадовалась Катя. Теперь они были вроде как не соперницы, а родственные души. Ложь во благо, называется.

К тому моменту, как добрались до спален, пошатнувшийся было мир окончательно восстановился. «Чья-то бабушка» Анна Ивановна ушла к себе, не дождавшись возвращения отряда, и ее можно было понять. Янка и сама с удовольствием завалилась бы в постель с книжкой. Ох, книжка! Она совсем забыла, что обещала воспитательнице взять что-нибудь из библиотеки. Завтра нужно обязательно.

– Иди переодевайся, я за ними послежу. – Катя говорила одними губами. Сегодня чтение в любом случае не понадобилось бы – дети засыпали на ходу, бросая где попало полотенца и зубные щетки. Чтобы потом не разбираться, Катя подбирала вещи по горячим следам.

Благодарная Янка изобразила книксен и просочилась в коридор. Люстры погасли. Из освещения остались только настенные шары-бра с подслеповатым желтым светом. Янка сделала несколько шагов и вздрогнула – внизу завопили. Громко, слаженно. Началось! Но сил на то, чтобы самой оценить задумку, совсем не осталось. Янка потеряла глаза и побрела в сторону собственной комнаты.

– Яна! Ш-ш. Только не пугайся. Это я.

Мимо бесшумно прокрался Денис Каверин. За его спиной, как щит у рыцаря, болталась гробовая крышка. На выбеленном лице чернели разводы, подозрительно напоминающие потекший макияж Бабы Яги. Длинная простыня театрально драпировалась при каждом шаге.

Короче, спасибо, что предупредил.

В зале с картинами кто-то шушукался и шелестел фикусом. Хорошо хоть, не стали выскакивать перед ней, как черти из табакерки. Притаились. Зато от стены возле главной лестницы отделился скелет. Хрустнул костями, быстро понял ошибку и пробасил:

– А, это ты, Ян! Не узнал.

И задвинулся обратно в нишу. Янка тоже не узнала, но предпочла не уточнять.

Визги мигрировали по этажам, дополняя друг друга и сливаясь в один орущий ансамбль. Кажется, некоторые особо стойкие пошли по второму кругу.

Янка заперла дверь, с удовольствием влезла в пижаму и растянулась на кровати. Больше всего на свете хотелось спать, но под аккомпанемент криков это оказалось затруднительно. Пришлось дожидаться, пока нечисть не натешится своими жертвами и не отправится туда, откуда пришла – по могилам. В смысле, спальням.

Вот только Катя почему-то задерживалась. Янка выждала еще немного и решила позвонить. Чтобы в случае чего не разыскивать друг дружку по всему лагерю, они обменялись номерами.

– Яна, я еще здесь, – прошептала в трубку Катя. – Я боюсь выходить!

– Выходи. Все закончилось.

– Закончилось, как же! Сто процентов, Дэн опоздавших ловит. Это самое интересное. Когда все решат, что все закончилось, он тут как тут. Ян, приходи за мной, а? Я одна отсюда не выйду.

Пришлось снова переодеваться в спортивный костюм, а затем тащиться через половину дома по пустому коридору. Катя ошиблась – духи и черти ушли отдыхать. Надо же и им когда-то.

Из двери высунулась рыжеволосая голова, огляделась по сторонам.

– Никого? Уверена?

– Никого. Идем.

Только сейчас Янка заметила здесь библиотеку, а по соседству – медпункт. Зал с раскидистыми фикусами вмещал два кожаных дивана и камин. Скорее всего, ненастоящий, так, декорация на память о прошлых владельцах. Каминную полку украшали кубки, смежную стену – дипломы и грамоты.

– Вот! Я же говорила! – торжественно провозгласила Катя, тыча пальцем в сторону темного окна. – Что я, Дэна не знаю? Ну и вырядился... Жуть полная.

Янка с прищуром уставилась туда же.

– Это не Денис, – произнесла она неуверенно. – Денис совсем по-другому выглядел.

А то, что пряталось в углу, напоминало человека весьма отдаленно. Патлатое, сгорбленное. И еще – показалось или правда? – по-стариковски пожевывает губами... в тот же момент по ногам протянуло холодом. словно сквозняк, которому неоткуда было взяться. «Как из открытой могилы», – подумала Янка, забывая дышать.

Кажется, Катя тоже почувствовала. Поежилась, переступила с ноги на ногу и вдруг мешком осела на пол.

Янка коротко взвизгнула. Бросилась к двери с надписью «медпункт» – темно, заперто. Рванула в сторону вожатских комнат и уже на бегу заметила, что угол за камином пуст. Ни привидений, ни потустороннего ветра, ни прочей замогильщины... Померещилось?

Навстречу выскочил Денис Каверин. Волосы влажные, по серой футболке расплываются мокрые пятна.

– Кто? – рявкнул он, прежде чем Янка успела заикнуться о Кате. Оттеснил ее в сторону и сам все увидел. Несчастливая жертва призрака картинно распласталась на зеленой ковровой дорожке. В ярком лунном свете Катя казалась еще более рыжей, бледной и... прекрасной.

Денис заколотил в соседнюю с медпунктом дверь.

– Ольга Пална! У нас тут Якушева...

На стук вышла полная женщина с растрепанными, собранными в неаккуратный пучок волосами и в наспех накинутом белом халате. Одним взглядом оценила обстановку и вернулась с чемоданчиком в руках.

– Каверин! Опять ты со своими страшилками? Каждую смену одно и то же! Вечером – молодежь, а утром не найдешь, – загремела Пална и склонилась над бесчувственной Катей.

– Из моих кто-то? – шепотом спросил Денис, пока медсестра манипулировала склянками. – Прямо сейчас огребут. Только отцу ничего не говори, ладно? Он и так этими пугалками недоволен, еле уговорил.

Янка помотала головой.

– Мы ничего не расскажем, вот только... я не знаю, кто это был. На детей не похож. А похож на... Привидение.

– Ян, ты чего?..

Медсестра ловко сунула Кате под нос вату, смоченную в нашатырном спирте, затем отвесила пару пощечин. Процедуры возымели действие – вожатая распахнула глаза и отпрянула от источника вони, испуганно озираясь по сторонам.

– А где... это? – чуть слышно пролепетала Катя. Попутно она пыталась подняться на ноги, но те отказывались ее держать.

– Надо думать, закончилось! – грозно нахмурилась Пална и погрозила скромно мнущемуся в сторонке Денису увесистым кулаком.

– Мы же... Да мы, вообще-то, не... – начала было протестовать Янка, однако медсестра не дослушала. Испепелила взглядом растерянных ребят и удалилась в свою опочивальню.

А троица вожатых, вяло переговариваясь, направилась в противоположную сторону.

– Ян, ты ведь тоже это видела? Страшилище за камином? От него таким холодищем перло! Как из могилы!

– Видела, – сдержанно подтвердила Янка. Не успели они войти к себе и включить свет, как в дверь протиснулась Кира.

– Девчонки, можно к вам? Кать, ты как?

Вот так всегда: в одном конце чихнул, из другого – будь здоров! Вслед за старшей вожатой в комнате оказались Андрей Заварзин, блондинка Инга в розовом костюме и еще две девушки, которых Янка видела впервые.

– Эх, жаль, меня там не было! Я же во все это верю. Всегда мечтала своими глазами увидеть что-нибудь эдакое, – досадовала Кира. Купаясь во всеобщем внимании, Катя постепенно приходила в себя. Под испуганные возгласы слушателей она снова и снова пересказывала историю встречи с призраком, причем с каждым разом припоминала все больше подробностей. В конце концов Янка и сама запуталась в том, что же они видели на самом деле.

– Ой, я бы, наверное, умерла от страха. – Инга содрогнулась и в очередной раз придвинулась поближе к Денису. – Как вы думаете, оно появится снова?

– Непременно, – мрачно пообещала Кира. – Прямо в твоей комнате.

– Блин, я понял! Это покойная Паучиха пришла за своим зеркалом! У тебя в комнате есть зеркало, Лунева? – Андрей Заварзин с самого начала отнесся к Катиному рассказу скептически, а теперь развеселился окончательно. Зато Инга сходила с лица прямо на глазах.

– Д-да. Зеркало есть. Не такое, как у девчонок, а большущее. Ой, мамочки! Это что же получается...

– Молись, Лунева. Я бы на твоём месте этой ночью спать вообще не ложился.

В наступившей тишине стало слышно, как Катя натягивает на себя одеяло.

– Шутки шутками, – подал голос Денис, – а кое-что здесь и правда случилось... Если хотите остаток смены ходить парами и постоянно оглядываться, расскажу.

– Валяй. Хуже все равно не будет.

– Информация проверенная, от отца слышал. Короче, вы знаете, что открытие лагеря задержали. Это потому, что незадолго до окончания ремонта в усадьбе случился пожар. – Каверин выдержал паузу. Остальные слушали, затаив дыхание. – В том самом каминном зале, где девчонки якобы видели привидение.

Инга вскрикнула и почти оказалась у него на коленях. Катя сравнялась цветом лица с пододеяльником, за которым пряталась.

– Об этом даже в местных новостях говорили. Погиб рабочий. То ли газовый баллон рванул, то ли что-то попало под тепловую пушку – не суть. Полыхнуло моментально. Выгорела эта комната и соседняя, где сейчас библиотека. Ну и мужика этого потом нашли... Вроде бы даже никто не знал, что он там работал. Дело было в воскресенье. Выходной. Мутная история.

– Ну, спасибо тебе, Дэн. Надо же было такую фигню на ночь рассказать. – Андрей Заварзин поднялся со стула и направился к выходу. Возле самой двери притормозил и обернулся. – Вот и провожай меня теперь. Сам виноват.

– Меня тоже! – подскочила Инга. Незнакомые девчонки притихли. Но им-то хорошо, их двое. Янка мысленно порадовалась тому, что ей никуда не нужно

идти. Особенно мимо камина. Вот и как дальше работать? Как и сказал Денис, ходить парами и оглядываться?

– Сладких снов. – Каверин отвесил им с Катей издевательский поклон и скрылся. Очень вовремя – Катя метнула в него подушку.

– Гад, – прокомментировала она, чуть не плача. – Знает же, что я всего потустороннего боюсь... Нарочно пугает.

Янка босиком прошлепала к двери, выключила свет и вернулась в кровать. Совершенно бессонным взглядом уставилась в потолок.

– А ты не поддавайся. Подумай о чем-нибудь другом. Я вот думаю о том, что завтра утром загляну в библиотеку. И еще я забыла дома шампунь. А вместе с ним – целую кучу ерунды вроде мыла и крема. Хорошо бы здесь был магазин. Ты, случайно, не знаешь?

Но испуганная не ответила. Не храпела – и на том спасибо. Янка тоже отвернулась носом к стенке и последовала собственному совету. Выкинуть из головы всякие глупости. Вы-ки-нуть. Вот так.

Глава 3

Все помогают в библиотеке

На первый взгляд, комната была безлюдна. Стол, пустые полки, несколько школьных парт и гулкая тишина нежилого помещения. На то, что имеет смысл подождать, намекал включенный ноутбук. Возле него и топталась сейчас Янка, нарочно сопя и покашливая.

Наконец из-за шкафов показалась кудрявая голова хозяйки библиотеки.

– Ой, – сказала она и близоруко прищурилась. Поправила сползшие на кончик носа очки и улыбнулась: – Привет. Не слышала, как ты вошла. Дел невпроворот. Смена началась, а у нас книги не расставлены. Обещали помощницу – не

приехала. Вот, сама кручусь. За книжкой?

- Да. Только не решила, что выбрать. Первый отряд.

- Кажется, знаю! - обрадовалась библиотекарь. Порывшись в коробках, извлекла одну и протянула Янке. - Это из нового. Очень хорошие отзывы.

С обложки на Янку глядел скелет. Натуральный такой. Веселый. Судя по названию, он же был главным героем этой истории.

Янка нервно хихикнула, представив реакцию Кати, когда она заявится в отряд с чем-то подобным. Еще решит, что специально выискивала, чтобы поддеть за вчерашний обморок.

- А есть что-нибудь из классики?

- Это искать надо... - Библиотекарь выглядела разочарованной. - Может, сама посмотришь? В той стопке на подоконнике. Там точно есть Крапивин. И, кажется, Волков.

Янка пробежала взглядом по затертым корешкам. В отличие от тех, что ждали своей очереди в коробках, эти книги были неновыми. Зато названия знакомые. «Алиса в Стране чудес»! То, что надо. Янка заранее преисполнилась чувством выполненного долга перед добрейшей Анной Ивановной и брякнула книгу на стол возле компьютера с таким видом, словно сама ее написала.

- Угу, отлично. Скажи свое имя, пожалуйста. Запишу ее на тебя.

- Колесникова Янина Станиславовна. Первый отряд, - повторила она на всякий случай.

- Прямо так - Янина? Красиво, - похвалила библиотекарь. Пощелкала кнопками и вернула книгу Янке. - Читайте на здоровье. Ох, что ж мне делать с этими коробками...

- А хотите, я помогу? - неожиданно для себя предложила Янка. Будто кто за язык дернул! - Репетиций сегодня нет. Только книжку отнесу и сразу вернусь.

Если вы не против.

Кудрявая библиотекарь просияла:

– Было бы замечательно! Как раз ребята из старшего отряда обещали прийти! А вместе за день справимся, верно?

Янка еще больше пожалела о своем внезапном порыве. Знать бы заранее, что помощники уже объявились!

Но идти на попятную было поздно.

Впрочем, расставлять книги казалось ей занятием гораздо более гуманным, чем вырезание сердечек-валентинок, в огромном количестве нарисованных детьми перед отбоем. И вот теперь Катя ожесточенно стригла ножницами алую бархатную бумагу, только обрезки разлетались.

– Ку-уда? А шарики кто будет надувать? – Рядом и правда валялось штук десять красных сморщенных «сердец». Уж лучше книги!

– Я вечером. Честно. Обещала в библиотеке помочь.

– Кому? – прищурилась Катя. – Каверину? Сегодня библиотека прям повышенным вниманием пользуется. Кого ни спроси – все помогают в библиотеке. Халтурщики, – фыркнула она. Очередной символ импортного праздника влюбленных лег в аккуратную стопку себе подобных.

Упоминание о Денисе внезапно порадовало. Такая компания примирила бы Янку с гораздо более неприятной, чем глотание библиотечной пыли, работой.

Библиотекарь – она попросила называть ее просто Алена, без отчества, – обрадовалась Янке как родной. Сунула в руки тряпку и попросила протереть с полка пыль. Громогласный хохот возвестил о том, что пионеры Дениса тоже здесь и неплохо проводят время.

– Денис Петрович, можно я возьму другую швабру? Эта неудобная, – громко поинтересовался нахальный девичий голосок. Ответа Янка не расслышала, но,

судя по взрыву смеха, вожатый за словом в карман не полез.

- Помощнички, - усмехнулась Алена. - Если успеешь, разберись с теми старыми книгами. Во-он тот дальний шкаф как раз подойдет.

Янка послушно заелозила тряпкой по полированному дереву. В коридоре Инга Лунева со старшими девчонками украшали стены гирляндами сердец. Даже стенгазету нарисовать успели. От такого количества любви у Янки начинало ломить в висках.

- Привет, Ян! И ты здесь?

А вот и Денис. Улыбается. Можно подумать, очень рад. Впрочем, он всегда такой. Как там говорят? На позитиве.

- Да вот, решила переждать красно-розовое сердечное безумие.

- Аналогично. Каждый год все с ума сходят с этим Валентином. Шоколадки, валентинки, ящички-фигащички... Готовься получать свою порцию вселенской любви!

- Ну уж нет. - Янка представила себе подобную перспективу и содрогнулась. - Будь добр, притащи мне сюда хлеб и столовский кефир и оставь под дверью. Пароль: «Каждой дуре по Амуре». Отсижусь пару дней, пока все не уляжется.

В пятки что-то уткнулось. И еще раз. И еще.

- Отойдите, пжалста!

Янка обернулась и увидела плечи. Задрала голову. Это что, дети? Снизу так вообще кажется, что одни ноги. А так - копна блондинистых волос, взгляд снисходительный. Хотя с таким ростом эта девочка могла себе его позволить.

Пока соображала, совсем упустила из виду Каверина. А не следовало бы. Тот быстро сгреб мелкую Янку в охапку и приподнял над полом.

- Подметай, Метлицкая, подметай. Не позорь фамилию.

– Не надорвитесь, Денис Петрович, – съехидничала исполинская Метлицкая. Пошуровала шваброй под Янкиными ногами и ретировалась за шкаф.

– Кто бы говорил, – буркнул Денис. Вернул Янку на место и тоже откланялся.

Глупости, конечно, но она все равно смутилась. Позабыв про пыль, принялась как попало запихивать ветхие книжки в самый дальний шкаф. Ему-то что, пошутил и забыл. А Янка вдруг начала прислушиваться к болтовне за стеллажами, стараясь различить голос Каверина. Да и вообще безотчетно чувствовала его присутствие неподалеку. Он был. И это радовало.

Перекидав на полку одну книжную стопку, Янка переместилась к следующей. Между книжными корешками она заметила серый пластиковый край, потянула за него и оказалась обладательницей папки-скоросшивателя. Точно в такие же они всей группой упаковывали рефераты.

Ура! Хоть какое-то разнообразие.

Сверху была пришпилена серая газетная страница. «Техасская резня в Дорофеевском лесопарке»? Еще и с фотографиями. Вот же гадость. За скрупулезным перечислением травм и повреждений следовал набранный более мелким шрифтом текст: «Пожар в Графских развалинах».

– Ого, – вслух произнесла Янка. Пробежала глазами несколько строчек и повторила: – Ого. Денис! Можно тебя на минутку?

– Хоть на пять, – мгновенно отозвался тот из соседнего угла. – Что у тебя?

– Помнишь наш вчерашний разговор? Слушай.

Пожар в Графских развалинах.

В минувшее воскресенье в отреставрированной усадьбе Светлый Яр произошел пожар. Прибывшие на место происшествия расчеты вовремя устранили очаг

возгорания. В результате от огня незначительно пострадали внутренние помещения, один человек погиб. Обстоятельства происшествия и личность погибшего устанавливаются. По предварительным данным, им может быть пропавший месяц назад в Дорофееве школьный педагог В. В. Залесский. Следствие просит возможных свидетелей обращаться по телефону...

– Да, я как раз об этом и говорил. Только не знал, что он еще и учитель... Гляди, здесь фотография.

Залысины надо лбом, плотно сжатые губы. Глаза прозрачные. Рыбий какой-то взгляд. Можно предположить, что особой любовью у учеников педагог Залесский не пользовался.

– Похож! Мамочки, до чего на нашего призрака похож. Только у того волосы были такие. – Янка чиркнула ребром ладони по шее чуть выше плеч. – И спина сгорбленная... а руки как будто до колен – длиннющие. Неужели вправду он? Вернее, его неупокоенный дух.

Денис перевернул страницу и теперь разглядывал исчирканный шариковой ручкой тетрадный лист.

– План усадьбы? – произнес он с любопытством. Развернул папку вверх ногами, затем обратно. – Ничего не понимаю. Писанина еще какая-то...

– Дай посмотрю.

На ветхой, с махровыми краями бумаге значилось:

Расписка.

Я, Залесский Яков Михайлович, получил от студента Монахова Николая кольцо с рубином в уплату карточного долга.

22/X/1910 (Залесский)

– Фамилия та же. Дату видишь? Это, наверное, его предок, – благоговейно прошептала Янка.

За распиской виднелся еще один, не менее затертый листок, сверху донизу исписанный мелким неразборчивым почерком. От многократного складывания бумага совсем истерлась – строчки в местах сгибов отсутствовали. На их месте светлели дыры. Письмо буквально рассыпалось под пальцами.

– Нечитаемо, – постановил Денис и протянул папку Янке. – Пойду, ладно? А то, чувствуя, наворотят они без меня.

Янка покивала в ответ, а сама впилась взглядом в пожелтевшую страницу. Разобрать написанное и правда оказалось непросто – соблюдением каллиграфии автор не отличался. Чернильные строчки то и дело сливались, наползали друг на друга, к тому же пестрили «ятями» и «ерами», о которых Янка знала только понаслышке. «Милая Асенька, – шепотом прочитала она, отчаянно шурясь. – Я все потерял. При мне осталась лишь моя душа, и то до тех пор, пока не сажусь за суконный стол. В такие мгновения кажется, что и она меня покидает...»

Милая Асенька,

Я все потерял. При мне осталась лишь моя душа, и то до тех пор, пока не сажусь за суконный стол. В такие мгновения кажется, что и она меня покидает. Сегодня отнес Якову Залесскому маменькино кольцо. Нижайше прошу Вас не сообщать ей раньше времени эту печальную новость. Я все еще надеюсь искупить вину и вернуть себе фамильную ценность. Но об этом позже. Как ее здоровье? Как Ваши занятия с Эллой Германовной? Все ли... (далее неразборчиво).

Сам я вынужден был съехать из номеров и живу теперь у товарища. Он хороший, честный, доброй души человек и отказывается брать с меня деньги за постой, зная, в каком горестном положении я оказался по собственной глупости. Пишу как никогда много. Денег на краски не хватает, зато в печи всегда довольно угля. Часто вспоминаю Вас, дорогая Асенька. Наше любимое место – бываете ли Вы там без меня? (Неразборчиво) ...тайник в бальном зале, где сокровища... (неразборчиво)... душа моя.

Я обещал рассказать Вам еще про перстень. Возможно, маменька делилась с Вами его загадочной историей. На всякий случай повторюсь. Почитай столетие назад была в нашем роду некая Ефросинья, крепостная графа Дорфа. Колдуньей слыла. Пришла она раз к самому графу и говорит – так, мол, и так, привиделась ей во сне скверна и погань, что по усадьбе хозяином ходит, графские сокровища в телеги грузит и золотом сумки набивает. И срока тому ровно семь дней. Граф так истолковал слова Ефросиньи, что придут в Светлый Яр французишки Наполеона, чтобы разграбить и осквернить все, что там было. Он и сам понимал, что встреча с врагом – вопрос времени, да только не думал, что случится это так скоро. А богатство было так велико, что за семь дней никак не перепрятать. Решил тогда граф – коли сон окажется в руку, то запалит он усадьбу со всем добром, чтобы не достались врагу ни картины, ни скульптуры, ни другое нажитое. А Ефросинье даровал хитрый перстень с камнем, похожим на крест.

Все вышло как сказала колдунья. После Бородинской битвы наши войска отступали от столицы, а жители в спешке бежали, увозя только самое ценное. Наутро ожидалось в Светлом Яре авангардные разъезды неприятельской конницы. А с вечера граф Дорф раздал дворовым факелы и первым с молитвой запалил дом.

Хозяин покидал пепелище налегке. Но были и те, кто не поверил в искренность его порыва. Ведь после пожара среди дымящихся развалин не оказалось ни одной мраморной скульптуры... Куда же (неразборчиво)? Этот вопрос, милая Асенька, не дает мне покоя вот уже несколько дней. С тех самых пор, как собственными руками отдал я перстень с камнем в виде креста проклятому Залесскому и увидел, как почернело от жадности его лицо. Похоже, слишком щедро заплатил долги Ваш покорный слуга Николенька. Впрочем, разве теперь узнаешь?

Асенька, не дает мне покоя загадка наших развалин. Все думаю – а вдруг оно там, под ногами? Сокровище графа Дорфа. В подземных ходах, которые (неразборчиво). Давно ведь поговаривали, что даже из деревни есть (неразборчиво)...

На этом месте текст обрывался. Янка уважительно покосилась на паркет, будто прямо под ним и таились несметные богатства. Пальцы аккуратно отложили в сторону хрупкий лист. Непрочитанным остался всего один. Короткая заметка, напечатанная на принтере. Слава Богу, не пришлось больше ломать голову над

устаревшими буквами. В заметке говорилось, что перед тем как открыть здесь дом отдыха – еще тогда, в семидесятые, – реставраторы провели изыскания в основании дома. Янка читала очень быстро и даже шептала вслух:

– «Мы наткнулись на остатки подземного тоннеля, – вспоминает архитектор Ирина Быстрова. – Пробовали пройти дальше, но остановились через несколько метров. Углубляться оказалось слишком опасно из-за вероятности обрушения сводов. Чтобы избежать несчастных случаев, мы засыпали расчищенный нами вход в подземелье. Подземные ходы в Светлом Яре действительно существуют, но для их исследования нужны значительные финансовые средства. Надеюсь, рано или поздно научный поиск все же будет организован и принесет сенсационные открытия...» Вот же блин!

– И я о том же. Колесникова, у тебя совесть есть?

Янка машинально спрятала папку за спину. Но возглас принадлежал не Алене, которой полагалось гневаться из-за невыполненной работы, а второй вожатой Кате. Этой гневаться тоже не возбранялось. Невырезанные сердца и ненадутые шары должны были изрядно отягощать Янкину совесть. Однако этого почему-то не происходило.

– Про шары я помню, – на всякий случай покаялась Янка. – Ты Каверина случайно не видела?

– В столовой твой Каверин, с отрядом! Давно уже. И тебе тоже было бы неплохо там появиться. Для порядка. А то один Каверин на уме.

– Кать, я же вовсе не...

– Оно и видно!

Снова какая-то сердитая. Не иначе, всеобщее лихорадочное оживление действует. У почтового ящика – небольшое столпотворение, валентинки так и сыплются. Девочки направо, мальчики – налево. Шепчутся, глядят загадочно. И все волнуются. Недовольна одна только Якушева.

После полдника обещали кукольное представление, а значит, подпирай себе стену и цыкай на шептунов часа полтора, не меньше. Янка рассчитывала найти Дениса и обсудить с ним содержимое серой папки, но увы – Каверин столь же тщательно бдил вертикальность стены по другую сторону от сцены. Зато рядом была бессменная Катя. И ей тоже не терпелось поговорить. На сей раз Якушева заходила издалека.

– Ян, я понимаю, что это не мое дело... Сама не люблю, когда кто-то ко мне с такими вопросами лезет. Не хочешь, можешь не отвечать. – Пауза. Тщетное ожидание уверений в обратном. – Но что это ты все время про Дэна спрашиваешь? Понравился?

– М-м.

– Я тебя понимаю. Дэн классный. Он многим нравится. Особенно пионеркам – каждую смену драмы. Но в лагере он никогда ни с кем не встречается. Принципиально. Вроде бы у него и девушка в Москве есть. Ян, а Ян...

– М-м?

– А ты Пашке валентинку подаришь?

– Нет.

– А Каверину?

– Нет!

Не объяснять же, что в отношении к грядущему празднику они с Денисом вполне сошлись во взглядах, и оба мечтают отсидеться в недостижимости этого самого праздника.

– Ясно. Боишься, – логично заключила Катя. – Я тоже боялась. А теперь решила – хватит. Нужно попытаться. Ты меня поддерживаешь?

– Ну так, Катя! Давно пора.

К полному Янкиному удовольствию, помолчали. Но стоило ей как следует углубиться в мысли о графских сокровищах, Катя снова зашептала:

– Ой, чуть не забыла. Сегодня у нашей Киры день рождения. Вечером собираемся в клубе. Она просила тебя пригласить. Пойдешь? Дэн после спектакля едет в магазин за...

– Магазин? – восторженно воскликнула Янка. – Ка-ать! Мне б тоже съездить.

– Вот ведь упертая! – восхитилась Катя. – С таким настроением точно своего добьешься! Я имею в виду, Каверина. Ладно, отпускаю. Лети навстречу мечте. Хотя бы шоколадка мне за помощь полагается?

– Две, – легко согласилась Янка. А ведь со стороны все это наверняка выглядело именно так. Как будто она попросту запала на Дениса, вот и ухлестывает за ним направо и налево. «Запала». Никогда не нравилось это слово. Точно не про нее. Ей, Янке, просто лучше, когда Денис есть рядом, чем когда его нет. Но специально искать его общества она не собиралась.

С самим Денисом удалось договориться после спектакля.

– В магазин? Обязательно поеду, – на бегу подтвердил Каверин. Вечно он куда-то не успевал и опаздывал. Не поговорить. – Со мной? Можно. Через час у клуба. Устраивает?

– Еще как!

Даже ужином жертвовать не придется. Редкостное везение.

* * *

Все дружно стягивались на дискотеку, и только охранник дядя Толя со всех ног несл в противоположную сторону. Торопливо осенял себя крестными знаменами и выглядел, мягко говоря, напуганным.

– Завяжу! На этот раз точно завяжу! Ни капли! Вот те крест!

– Чего это он? – озадачилась Катя, когда тот протопал мимо, не поздоровавшись. – А с виду вроде приличный.

Видимо, подумал об этом и Петр Геннадьевич Каверин. В момент триумфального бега дяди Толи через весь двор он как раз чинно выходил из дверей главного корпуса. Ни дать ни взять, барин.

– Анатолий! – строго окрикнул директор, и охранник вытянулся по стойке «смирно». Даже шапку стянул, чем еще больше усилил собственное сходство с крепостным крестьянином. – Что за шум?

– Завяжу, – громогласно повторил дядя Толя. – Весь день нервы мотает, проклятая! Довела, сил никаких нет.

– Да кто ж тебя довел? Сидишь в своей сторожке, как сыч. Носа на улицу не высовываешь.

– Нечисть, Геннадьич. Не знаю, за какие грехи тебя сюда начальником поставили, но дурное тут место, как пить дать! Тьфу, даже от слова этого с души воротит.

– Анатолий, ты по-человечески объяснить можешь?

– С утра балует, проклятая. Ночью вроде не было ничего, а тут гляжу в окно, у забора – она! Крышка от гроба! Ленты ветерком колышет, и тишина... Дескать, ждет меня, Геннадьич, поджидает. Бабка-то покойная. Ну, думаю, врешь, не возьмешь. Шторку задвинул, вроде как не видел ничего, да и дело с концом. А потом она пропала.

– Ты, Анатолий, и правда, завязывай с этим делом-то, – нахмурился Петр Геннадьевич. – Я на все сквозь пальцы смотрю, потому что жаль тебя, непутевого. Где еще такую работу найдешь? Где, я тебя спрашиваю?

– Ты обожди, дослушай. – Охранник выдержал эффектную паузу и вытаращил глаза в сторону своей будки у ворот. – Она и сейчас там!

Вышло и вправду жутко. Чернющая ночь, луна, лес вокруг. И вот это его замогильное «там». Янка почувствовала холодок в районе желудка. Зато Катя вовсю давилась от смеха.

– К-крышка! – выдохнула она, утирая слезы. – Неужели Дамик опять ее до машины не дотащил?

И словно в подтверждение ее гипотезы мимо пронеслись оба приятеля – Денис и Дамир – как раз в направлении сторожки. От директора лагеря маневры не укрылись.

– Поливанов, Каверин! Чтоб через пять минут в моем кабинете! Распустились совсем... Шутники. Сумасшедший дом, а не смена.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

В повести Л. Рыбакова «Бронзовая птица» действие происходит в пионерском лагере, расположенном в бывшей графской усадьбе. – Здесь и далее примечания автора.

2

Андрей Белянин, «Ааргх».

3

Слова из романа Вениамина Каверина «Два капитана»: «Бороться и искать, найти и не сдаваться».

4

Дарья Николаевна Салтыкова по прозвищу Салтычиха – русская помещица, вошедшая в историю как убийца нескольких десятков крепостных крестьян.

Купить: https://tellnovel.com/sheyl_ruta/klyuch-ot-poslezavtra

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)